Текст · 4 декабря 2025, 16:25
Софья Крылова,

«Серега, зачем это? Ты еще сядешь за такие слова». Полицейского Сергея Клокова (Веделя) со второй попытки осудили за телефонные разговоры о войне

— Работал. Ну, со службы уволен, и сейчас-то не работаю, понятно. На лагере работал.

— Гражданство двойное? Израиля, да?

— К сожалению, нет. Украинское.

Спустя два года после того, как в зале того же Перовского суда Москвы судья Светлана Александрова отправила его в колонию на 7 лет, в мае 2025-го 41-летний Сергей Клоков — он же Семиэль Ведель — вынужден снова называть свои анкетные данные.

Капитан полиции с 18-летним стажем службы[1]

в органах внутренних дел, обладатель множества наград и поощрений, отец троих[2] детей, в марте

2022 года Клоков стал седьмым обвиняемым по новой статье о распространении военных «фейков» — и первым, кого суд с таким обвинением отправил в СИЗО.

«16 марта вызвали на работу, я выехал, меня сбили на дороге, забрали мой телефон. Доставили к следователю, с применением силы допросили. Где-то

с девяти вечера до двух-трех часов ночи это было, — вспоминал Клоков в суде несколько лет. — Ну, я все рассказал, [следователь] потом разнервничалась, и меня начали катать по Москве. В десять утра опять привезли в Следственный комитет и начали допрашивать».

Клоков говорил, что следователь исказила его показания и пыталась добавить в протокол «свои какие-то формулировки». «Она куда-то уходила, насколько я помню, к руководству, приходила, ее [сказанное мной] не устраивало. Она прямо мне говорила: мне все равно, что ты сделал, мне нужна статья, именно вторая часть. Мне все равно что ты сделал, я возбужу ее», — рассказывал полицейский.

Следователь по особо важным делам ГСУ СК по Москве Альбина Брагинская действительно возбудила против Клокова дело по части 2 статьи 207.3, которая только что появилась в российском УК. Вечером 17 марта, спустя сутки после задержания, она отправила задержанного в ИВС, а на следующий день его арестовали.

Клоков родился в городе Ирпень Киевской области и много лет прожил в соседней Буче. Только к седьмому классу Сережа вместе с родителями переехал в Москву, но каждый год семья старалась навещать близких в Украине. Отца Клокова начало войны застало в Черниговской области.

Клоков-старший на допросе у следователя упоминал, что с 2013 года его сына не пускают в Украину — «по какой причине, неизвестно». Тем не менее, из-за тесных личных связей со страной после начала войны

Сергей, как объяснял он еще на первом процессе, «не мог перестать об этом думать и говорить».

Клокова тогда обвинили в том, что в телефонных разговорах с тремя знакомыми он распространял «заведомо ложную информацию», которая противоречила сводкам Минобороны — например, о «вывозе с территории Украины трупов солдат Российской Федерации в Республику Беларусь для их сожжения в крематории», «отсутствии на территории Украины "нацистов"» и «массовом убийстве солдатами Российской Федерации мирных жителей Украины».

Содержание телефонных разговоров Клокова стало известно силовикам, потому что его телефон прослушивался в рамках другого уголовного дела, возбужденного еще за 20 лет до вторжения в Украину — в феврале 2003 года.

Тогда задержанный по подозрению в жестоком убийстве и расчленении делового партнера предприниматель Владислав Степанов, которого этапировали в Москву из Кирова в купе обычного пассажирского поезда, на подъезде к Ярославскому вокзалу отобрал оружие у своих конвоиров и, расстреляв их, сбежал. С тех пор его так и не поймали. Степанов какое-то время был коллегой и соседом отца Клокова.

«Медиазоне» Клоков-старший рассказал, что, узнав о побеге Степанова, зашел к его бабушке спросить о самочувствии — там его схватили и сутки пытали, но после отпустили в статусе свидетеля.

Сам Сергей Клоков на допросе говорил: «Обстоятельства данного убийства мне неизвестны, не вникал». Так или иначе, Московский областной суд дважды давал разрешение на прослушку его телефона «в ходе работы по установлению местонахождения разыскиваемого Степанова»: в 2019-2022 годах и «с 27.01.2022 сроком на 180 суток».

На повторном судебном процессе Клоков объяснял прослушку так: «Они 20 лет мой телефон слушали, потому что мне папа купил и подарил на 18-летие этот номер. И они 20 лет его слушали и не поняли, что это не его телефон, хотя 20 лет он принадлежал мне, и все об этом знали. И на допросах это все не раз выяснялось».

Согласно одному из рапортов МВД, который есть в материалах дела, номер, с которого Клоков делал вменяемые ему звонки, действительно оформлен на его отца. Рассекреченные материалы этой прослушки и легли в основу дела о «фейках».

«Сергей Ведель неплохо держится и сидит достойно. За детей только переживает», — писал спустя год после ареста полицейского политик Илья Яшин.

Он встретился с Клоковым на тюремной сборке и там же сумел бегло ознакомиться с его делом; благодаря посту в канале Яшина историю полицейского стали широко обсуждать в соцсетях.

24 апреля 2023 года Клокова приговорили к 7 годам заключения. Он успел провести в колонии 9 месяцев, когда в мае 2024 года Второй кассационный суд вернул дело в Мосгорсуд

на новое рассмотрение из-за «существенных нарушений уголовно-процессуального закона». В июле Мосгорсуд отменил приговор и вернул дело прокурору, поскольку счел, что в действиях Клокова отсутствовал признак публичности.

Адвокат Клокова Даниил Берман. Фото: Александра Астахова / Медиазона

«Во время нахождения дела у следователя после его возврата прокурору он не проводит дополнительное расследование, а лишь устраняет причины, которые послужили основанием для возврата дела. А у нас новое расследование длится семь месяцев[3],

производятся три очные ставки, масса допросов, осмотров, обыски. И в итоге составляются четыре новых тома уголовного дела», — говорил адвокат Клокова Даниил Берман, когда дело снова поступило в суд.

«Обвинительное заключение утвердил тот же прокурор Савенков, который утвердил первое обвинительное заключение, не найдя в нем никаких, по его мнению, недостатков», — отмечал Берман.

В мае 2025 года повтороное дело начал рассматривать тот же Перовский суд. Обвинение представляла та же Перовская межрайонная прокуратура, что и на первом процессе. Попытки защиты изменить территориальную подсудность или отвести судью и прокурора не увенчались успехом.

Откуда взялась фамилия Ведель

Во время обыска в доме у родителей Клокова оперативники нашли свидетельства о смене имени — на него самого, его отца и сестру. Так выяснилось, что в 2005 году Сергей Клоков официально стал Семиэлем Вальтеровичем Веделем. Отец Клокова Вальтер Ивкович (Валентин Иванович) на допросе у следователя утверждал, что в 25 лет сменил фамилию на русскую ради «продвижения по службе», но позже «вместе с детьми решил вернуть свои данные».

Сам Сергей Клоков на вопрос следователя о перемене имени сказал дословно следующее: «Я не знал об этом. Я заявления не писал, может, там какие-то мутки были, я не знаю».

На повторном суде он объяснял это уже иначе: «Как мне родители рассказывали, это была инициатива тех же оперативников, которые расследовали то дело [об убийстве]. Говорят, вам надо сменить имя и место жительства, потому что вам угрожает опасность, защита свидетелей тогда была. Это было в 2003 году, как папа рассказывал. Он как-то не стал этого делать, на какой-то стадии это было».

Так или иначе, как отмечал адвокат Берман, подписи Клокова в свидетельстве о смене имени нет, и новый паспорт он не получал. В других документах фамилия Ведель тоже не фигурирует, запросы следствия на эту фамилию в разные инстанции результатов не дали. Начальник Клокова Александр Дьячков в суде говорил, что в МВД о смене имени тоже узнали только после того, как против сотрудника возбудили уголовное дело. По его словам, когда Сергея брали на

работу, на него «подняли допуск, и никакой другой фамилии не дало».

4 декабря, когда суд уже переходил к прениям сторон, прокурор вдруг спросил подсудимого, как к нему следует обращаться. Клоков ответил, что Веделем «никогда не называл себя».

— Я вообще был всегда Клоков.

— А последние свои обращения вы как подписываете?

— Двумя фамилиями, как в деле написано.

— В свои идеологические корни не уходите? Связи с дворянством?

Ответа на последний вопрос прокурор, кажется, не ждал.

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Что написано в новом обвинении

Во второй раз Клокова обвинили в организации приготовления к распространению военных «фейков» группой лиц по предварительному сговору по мотиву политической ненависти[4]. По версии следствия, он «собрал заведомо ложную информацию» о действиях российских военных в Украине, после чего «не позднее 9 марта 2022 года

осуществил телефонные переговоры» с тремя своими знакомыми — Эдуардом Михайловым, Алексеем Суязовым и Юрием Куришко.

Клоков говорил, например, об «уничтожении ВС РФ мирного населения, в том числе, детей», нанесении «ракетно-бомбовых ударов по жилым зданиям в украинских населенных пунктах» и «отсутствии на территории Украины нацистов и распространении Российской Федерацией фейковой информации об их наличии».

Как отмечается в обвинительном заключении, Клоков убеждал собеседников, что «цитируемые им сведения досконально проверены и подтверждены». Эту «заведомо ложную», по версии обвинения, информацию он «искал в неустановленных источниках», а также получал «в ходе телефонных разговоров» со своим знакомым — заместителем начальника управления уголовного розыска киевской полиции Дмитрием Чебаном.

При этом, «не желая самостоятельно выступать исполнителем преступления» — распространения «фейков» об армии — Клоков побуждал своих собеседников передавать информацию «максимальному числу людей», склонять их «к ознакомлению, просмотру, прочтению опубликованной информации».

В продолжение своего «преступного умысла, направленного на распространение заведомо ложной информации наиболее широкой аудитории», Клоков «не ранее 9 марта 2022 года» обратился к начальнику московского мобилизационного управления МВД

Александру Дьячкову. «Путем уговоров» Клоков «настойчиво склонял» его организовать для руководства главка конференцию с представителями ВСУ, чтобы московские полицейские «выступили против проведения СВО» и «участвовали в несанкционированных митингах».

Таким образом Клоков выступил в роли организатора, а его собеседники — в роли «неосведомленных соучастников» преступления. Они не стали «распространять указанную информацию», а Дьячков «отказался от проведения пресс-конференции». Однако своими действиями Клоков не только «создал видимость противоправной, нарушающей международное право деятельности органов государственной власти» и армии, но и вызвал у собеседников «чувство тревоги, страха, обеспокоенности, незащищенности со стороны государства».

Одновременно с этим телефонный разговор с Куришко обвинение сочло законченным преступлением,[5] поскольку Клоков «ввел в заблуждение» не только самого собеседника, но и его жену Ирину Волобуеву, которая якобы слышала их беседу.

Клоков назвал это обвинение абсурдом и вину не признал.

Адвокат Берман настаивал, что в действиях Клокова нет состава преступления. «Законодатель четко сформулировал статью: он говорит, что недостоверная информация должна распространяться публично и никаким другим

способом. Если [собеседники Клокова] доведут эту информацию до максимально широкого круга лиц любым другим способом, кроме публичного, они не совершат преступления, — говорил защитник. — Вся первая часть обвинительного заключения испещрена тем, что он их убедил в том, что это правда. Но если они знают, что это правда, распространяя эту информацию, они также не совершают преступления».

Адвокат отмечал, что сначала Клокова обвиняли только в приготовлении к распространению «фейков», а потом вменили еще и разговор, который якобы слышала Волобуева.

«Обвинение в приготовлении они все-таки хотя бы немного выверили, почитали. А потом им сказали: "Сейчас мы будем вынуждены после предъявления обвинения средней тяжести его выпустить, предъявите что-то, [идите] ва-банк, в суде разберутся"», — предположил Берман.

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Неосведомленные соучастники

Михайлов

Друг и коллега Клокова, пенсионер МВД Эдуард Михайлов 9 марта 2022 года позвонил ему «по делу» — хотел посоветоваться насчет машинного

масла, которое вдруг сильно подорожало. Он долго жаловался на санкции и экономическую ситуацию, и в какой-то момент Клоков не выдержал: «Нехуй было Киев бомбить! Там миллионы людей убитые. Ну не убитые, пострадавшие». Эмоциональный спор о причинах войны и нацизме в Украине длился около получаса, потом Михайлов решил закончить разговор.

Спустя три года в суде он признавался, что старается забыть тот звонок, потому что все случившееся ему «очень тяжело далось». Однако Михайлов все-таки рассказал, что война Клокова «возмущала», и он «воспринимал ее в крайней степени эмоционально и почему-то лично для себя», российских военных называл «рашистами» и говорил, «типа мы напали на Украину, много там гибнет».

Для Михайлова тема тоже была болезненной — его сын, как и старший сын Клокова, тогда проходил срочную службу. Он «пытался вправить мозги» товарищу, их перепалки «занимали много времени и доходили до криков и истерик». Михайлов считал, что Клоков присылает ему фейки, но «человеку, который не разбирается, увидеть, фейк или не фейк, [сложно]».

Спорил Михайлов с Клоковым не только из-за войны — «и о жизни, и по вопросам женщин, по очень многим вопросам».

«Он был упертым, вот если ему кажется, что он прав, значит, он прав», — характеризовал Михайлов друга. О привычке Клокова «спорить с пеной у рта» обо всем на свете знали и в коллективе, из-за чего над

ним часто посмеивались. Однако другом и человеком Клоков был «очень хорошим» — ему можно было «позвонить даже среди ночи», и он «всегда приходил на помощь», сказал Михайлов.

По словам друга, Клоков просил его поделиться со знакомыми тем, что рассказал, но он не воспринял эту просьбу всерьез и посчитал, что Сергей просто хочет вывести его из себя. Впрочем, на следствии Михайлов говорил иначе — будто Клоков просил распространить информацию «неограниченному кругу лиц». В суде Михайлов объяснил: следователь «задавал так вопрос», чтобы подвести его к нужному ответу.

Суязов

Алексей Суязов — сосед семьи Клоковых по даче в Севастополе. Ему Клоков позвонил сам и после нескольк бытовых вопросов спросил, видел ли приятель, «че [в Украине] происходит щас».

«Ну, конечно, видел, над нами, знаешь, каждый день, блин, самолеты с этими, ракетами», — ответил Суязов.

Объясняя свою точку зрения на события в Украине, Клоков предложил приятелю самому набрать знакомым в Харькове. Тот сказал, что уже звонил, но ему не ответили: «То ли обиделись, то ли в метро сидят». От предложения Клокова «скинуть ссылки на некоторые каналы» Суязов отказался. В конце разговора он пообещал набрать отцу Клокова, который с началом войны эвакуировался из Украины в Берлин.

«Мы были мало знакомы. Один вот этот пресловутый, подчеркиваю, личный звонок был по телефону», — начал свое выступление в суде Суязов, когда 1 сентября его допрашивали по видеосвязи из Севастополя. Он сказал, что «не слишком обратил внимание» на звонок Клокова, потому что «все было сделано в марте, после начала СВО, и все были на эмоциях». «Досконально» разговор Суязов вспомнить не смог: «Было про то, что убивали, куда-то там вывозили тела, прятали, такое было. И про другую сторону говорили».

Суязов сказал, что не «вдавался в подробности» позиции Клокова, но понимает, что «наслушавшись телеграма», тот «был на эмоциях, удивлен: как же так». Суязов подчеркнул, что на телефоне у него нет мобильного интернета, что Клоков знал об этом и «вряд ли звонил, чтобы как-то распространять: я не блоггер, не официальное лицо, с людьми мало работаю».

Суязов, как и остальные свидетели, давал показания несколько раз, однако его допрос от 7 ноября 2024 года не похож на другие — тогда он, в частности, сказал, что «слова Клокова касаемо действий вооруженных

сил на территории Украины напугали и заставили задуматься о благополучии своей семьи». В суде Суязов это не подтвердил — вспомнил только «чувство, что [Клоков] заблуждается и немножко неправ, просто переубеждать его тогда не было времени и конкретных фактов никаких». О том, чтобы передать кому-то услышанное, Суязов тоже не думал — «тогда все были на эмоциях, и разговоры были».

По поводу этого ноябрьского допроса Суязов в суде сделал заявление: «Следователи приехали с домашней заготовкой, которую мы три раза переписывали, и вы прочли опять домашнюю заготовку. Я такой протокол не подписывал».

Прочитав первый вариант протокола, Суязов сказал «ребятам»: «Что вы за меня тут написали?». «Ребята», по его словам, ответили: «Вы что, не хотите, чтобы он сел?» — и стали угрожать «переквалифицировать статью». В итоге следователи «пошли на попятную» и приняли все исправления Суязова, однако в суде в итоге огласили первый вариант протокола: «Кто это подделал, я не знаю».

Когда в суде решили уточнить, что именно в протоколе допроса неправда, Суязов признал, что хотя силовики «применили свое художественное мастерство», Клоков действительно «говорил все это»: «Но это же было в те годы, когда вся страна говорила об этом, что и те, и другие, все это плохо. Излагал, но не для того, чтобы я распространял, он просто делился впечатлениями своими».

Ничего плохого про Клокова Суязов не сказал: «Любит детей, не пьет, хорошо соображает в автомобилях, серьезный добросовестный человек».

Дьячков

Начальник московского мобилизационного управления МВД Александр Дьячков в суде назвал Клокова «очень честным, дисциплинированным работником», единственным недостатком которого была неряшливость в одежде. Он рассказал, что Клоков не был его непосредственным подчиненным, но помогал, «если надо куда-то привезти, отвезти меня или съездить имущество получить». Дьячков вспомнил только один разговор с Клоковым в машине после 24 февраля, когда тот вдруг спросил: «Зачем эта война нужна — специальная военная операция?».

«Я говорю: "Ну, значит, руководство страны решило. Видимо, есть такие доказательства, что надо вводить такую специальную военную операцию". Он говорит: "Ну, люди же гибнут с той и другой стороны". Я говорю: "Ну а что сделаешь, на то она и специальная военная операция", — вспоминал в суде Дьячков. — Больше я от него никогда не слышал что-то такое ни в одну, ни в другую сторону. Ни осуждения, ни обсуждения».

На вопрос, предлагал ли ему Клоков «посодействовать в организации пресс-конференции» с украинской стороной, Дьячков ответил так: «Я думаю, у него язык не повернется мне этого сказать, потому что я руководитель, я меньше с ними общаюсь. Если с кем-то он общается, это те, которые ниже рангом. Он мне ничего не говорил».

Такие же показания он давал сразу после задержания Клокова, а вот допрос в октябре 2024 года прошел иначе. Согласно этому протоколу, Ведель сначала рассказал Дьячкову все то же, что другим своим собеседникам, а потом, «чтобы информацию узнало как можно больше людей», попросил его организовать конференцию с представителями ВСУ и начальником киевского убойного отдела Дмитрием Чебаном. Дьячкова это возмутило, он напомнил Клокову, что тот «является действующим сотрудником полиции», и сказал, что «в следующий раз примет меры». Этой же версии полицейский придерживался на очной ставке с Клоковым в феврале 2025 года.

Когда эти показания огласили в суде, Дьячков сперва растерялся: «Я не знаю. Мне он не предлагал этого». По после того, как ему показали его подпись под документами, Дьячков начал сомневаться: «Может быть, что-то и было... Я не отрицаю, я все не запомнил. Не помню. Давайте согласимся с этим. Был разговор какой-то я чуть-чуть припоминаю: ну я, понимаете, и с телефоном сижу, и в кабинете сижу... Подтверждаю».

В итоге Дьячков все же определился: «Был разговор такой. Я просто его сразу пресек и сказал, что если я еще раз что-то услышу, будут приняты меры».

После этого полицейский начальник якобы вспомнил: разговор был, когда Клоков вез его «на "Патриоте" из дома на Петровку» к семи утра «где-то в первой декаде марта». Дьячков не сообщил об этом начальству и «держал при себе», потому что «действий никаких не было». Клоков, к тому же, «любил поболтать лишнего», поэтому он счел, что достаточно «высказать ему, и все». При этом после того, как Клокова задержали, и «прошел слух, что он общался с Украиной», Дьячкову «пришлось доложить руководству и обследовать все [секретные] объекты[6]».

Судья спросил Дьячкова, зачем он инициировал проверку, если не придал серьезного значения разговору с Клоковым. «Понял, что надо что-то делать, стал проявлять заботу и беспокойство», — ответил свидетель. На вопрос Клокова о результатах проверки Дьячков ответил: «Нормальные». «Коли так случилось, мы обязаны были среагировать. Руководству доложили, приняли решение обследовать», — добавил он.

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Сам Клоков сказал, что о созвоне с украинцами «никогда с Дьячковым не говорил и не хотел».

Он подвозил начальника в конце февраля, и они действительно «обсудили какие-то моменты, что гибнут люди, не более того». Потом они виделись 2 марта и о политике уже не говорили. С начальником убойного отдела Киева, на которого, исходя из показаний Дьячкова, Клоков ссылался в разговоре, он тогда еще не был знаком.

— Вы показания слышали? Подсудимый нам солгал? — спросил Дьячкова адвокат Берман.

— А что, я тогда солгал что ли? Нет. Говорил он. Говорил, Сергей, говорил. И тем более, я сразу резко тебя пресек. Я по телефону тогда разговаривал в машине, — ответил полицейский.

Куришко

С Юрием Куришко Клоков на момент разговора был знаком больше десяти лет и даже крестил его ребенка. Как и Суязов, Куришко живет в Севастополе.

Разговор мужчин 9 марта был бесконфликтным — Куришко не слишком охотно, но ответил на лозунг «Слава Украине». Клоков позвонил ему, чтобы узнать, как дела у его родственников — тот рассказал, что дочь и внучка не могут выехать из Сум, потому что в гуманитарных коридорах на Киев «тонна населения на три автобуса». Когда Клоков поделился своими мыслями о войне, Куришко напомнил ему про новую статью УК о «фейковой информации», а тот ответил, что «не знает, фейковая она или нет».

«Я этим пидорасам такого геноцида не прощу. Они уничтожили мой город. Детей уничтожили.

Родильные дома. Сегодня сводку видел. Пиздец сколько там побито всего. Всю инфраструктуру города. Больницы. И похую им. Детей. Я детей видел похожих на мою дочку. Реально мясо. Пиздец», — все больше распалялся Клоков. Разговор длился около двадцати минут. Куришко закончил его, предусмотрительно предложив другу завтра созвониться «по телеграму».

Куришко допросили по ВКС из Ленинского суда Севастополя, выдернув с работы — со стройки Театра оперы и балета. Свидетель настаивал, что плохо помнит старый разговор, и избегал говорить, как его кум комментировал тогда войну: «Я уже за три с половиной года от всего с ума сошел: от телевизора, от новостей, от всего. У вас есть запись разговора, там все слышно прекрасно. Зачем я буду выдумывать, рассказывать?».

Куришко лишь мельком упомянул, что Клоков «высказывал свое мнение», а он только слушал и не задавал вопросов: «Это его мнение, я-то причем».

«Понимаете, если я сейчас что-то лишнее скажу, вы еще на меня запишете, — честно ответил Куришко гособвинителю, когда тот в очередной раз попытался добиться от него подробностей. — Не могу я вам сейчас ничего выдумывать, не хочу даже. Вот есть же телефонный разговор, послушайте, сделайте вывод. У нас в Севастополе за три с половиной года столько произошло, что сейчас еще и намешается что-то с чем-то».

Судья попытался зайти с другой стороны и спросил, радовался ли Клоков происходящему в

Украине. Куришко ответил так: «Он сам человек эмоциональный, даже если машину ремонтировать и неправильно клемму прикрутить, можно от него услышать, что я самый последний, кто есть на свете. И о чем бы он ни говорил, он от себя просто это все накручивает. Если он даже говорил насчет специальной военной операции, он мог тоже накручивать все, что хочет. Где он эту информацию брал, я не знаю. Я помню, когда я с ним разговаривал, я ему говорил: "Серега, зачем это? Ты еще сядешь за такие слова". А за какие конкретно, я не помню».

Зато Куришко вспомнил об особой эмоциональной связи Клокова с Бучей: «Он родился в Буче, этот Сергей. И произошедшее, оно как-то связано было с ним. Может, он там родился, может, там был детский садик. Что-то у него в сердце кольнуло».

Уверен свидетель был в одном — что он не собирался никому передавать услышанное от Клокова: «Я же понимаю, что так даже по телефону нельзя говорить, а не то что там еще кому-то сказать, выйти на улицу. Ну так вообще нельзя, просто нет».

После этих слов судья все же решил уточнить, согласен ли свидетель с тем, что слышал от друга. Тот ответил: «Конечно, нет».

Когда в суде огласили предыдущие показания Куришко, он занервничал еще больше: «Такое ощущение, что вы меня хотите уже куда-то подвести. Вы постоянно с меня что-то вытягиваете. Тянете с меня, тянете, тянете... Просто приехали через год, я даже не знаю суть ситуации: "Бумажку дают, диктуют, распишись, подпишись, до свидания". Через

год опять: "Распишись, подпиши, до свидания". Как-то все так мудро, уже столько лет прошло, только и приходят: тут распишись, там подпишись, там разговаривали, тут не разговаривали».

«Сидишь дома, стучат в дверь два человека с пистолетами, сажают в машину, везут в Москву. Ознакамливаться дают секунду, заходят и... Что хочешь, то и делай», — рассказывал свидетель.

Сначала Куришко подтвердил только свои первые показания, сказав, что «все остальное под сомнением, там уже докрутили и может сами добавили чего». Но затем передумал.

— Вы подписывали? — спросил у него судья.

— Да понятно, что я, не подпишу? Вообще да, все мои показания, — пошел на попятную свидетель.

Клокова Куришко назвал «хорошим эмоциональным человеком»: «Если бы не обстоятельства, вообще все было бы хорошо».

Волобуева

Судя по прослушке, Ирина Волобуева встревает в разговор своего мужа с Веделем буквально на второй реплике. На слова о том, что украинская армия «на 70 процентов уже» разбила российскую, Куришко отвечает: «Ира не верит в эти сказки. Говорит, ты врешь все».

Когда позже Клоков, кажется, не может разобрать слова Волобуевой, Куришко поясняет: «Жена говорит, Серега уже в Америке, наверное».

Несмотря на это, Волобуева силовиков долго не интересовала. Об ее участии в разговоре впервые упоминается в протоколе допроса Куришко на повторном следствии.

Этот протокол сильно отличается от других показаний Куришко — в нем говорится, что после звонка Клокова он «для удобства дальнейшего общения переключил свой телефон в режим громкой связи», что они с женой якобы слушали доводы москвича вместе и «пытались донести до него, что сведения, о которых он сообщает в поддержку Украины, являются недостоверными». Разговор вызвал у супругов «тревожные чувства, беспокойство как за себя, так и за своих родственников и близких друзей, проживающих на территории РФ».

На очной ставке с Клоковым в январе 2025 года Куришко, выслушав эти показания, сам не смог вспомнить, когда их давал, и сказал, что там «все слишком как-то накручено».

По словам приятеля, разговор с Клоковым на него никак не повлиял: «Мне это было до лампочки». Куришко также добавил, что не помнит, включал ли на телефоне громкую связь, а если и включал — Клокова об этом не предупреждал.

Волобуеву в суде допрашивали по ВКС из Севастополя в один день с мужем. Она уверенно ответила, что не присутствовала при разговоре, и только по репликам

Куришко понимала, что речь идет «о специальной военной операции». Муж говорил по телефону на балконе, а она стояла у плиты: «У меня была [включена] вытяжка, ребенок рядом прыгал-бегал, я готовила ужин. Какие-то отдельные фразы муж проговорил, я что-то прокомментировала и дальше занималась своими делами».

Никаких точных цитат из разговора в суде Волобуева не вспомнила. Она сказала лишь, что «все происходило как-то очень эмоционально».

— Ну, по его разговору было понятно, он доволен этой ситуацией, что началась СВО, или нет? — допытывался судья.

— Мне это оценить по репликам мужа? Я не помню. Муж что-то говорил, какие-то фразы там о каких-то военных действиях. Я вот, насколько я помню, сказала, что это все неправда. Ну вот все, что я могу сказать.

При этом на допросе у следователя 7 ноября 2024 года Волобуева, хоть и говорила, что разговор слышала «частично», упоминала именно те слова Клокова, которые в итоге вошли в обвинение — например, о значительных потерях российской армии.

В суде женщина эти показания подтвердила, но с оговоркой: «Если бы я слышала телефонный разговор, это бы означало, что я слышала двоих собеседников. Так как я слышала одного мужа, нельзя утверждать, что я слышала телефонный разговор. Я слышала реплики мужа, когда он общался по телефону».

Те фразы, которые в протоколе допроса у следователя однозначно приписаны Клокову, Волобуева в суде назвала своим предположением: «Следователь говорит: "Вы могли предположить [что он говорил] так?" Я говорю: "Да, я могла"».

Куришко в суде тоже признал, что его жена «может быть, случайно услышала какие-то слова, но в разговоре не участвовала». Была ли включена громкая связь, Куришко не вспомнил и в суде: «Я уже сам запутался в этом всем. На аудиозаписи должно быть слышно, что я включил ее, какой-то фон должен был пойти».

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Прения и последнее слово

Прокурор Привезенцев

4 декабря в суде состоялись прения сторон. Прокурор Привезенцев, кратко изложив фабулу обвинения, сказал, что Клоков «в качестве организатора подготавливал благодатную почву для того, чтобы в дальнейшем дезинформация распространялась». Для этого в разговорах со своими приятелями он сообщал «несуразные, лживые, несоответствующие действительности сведения, причем в утвердительной форме».

«80 лет прошло с момента разгрома нацистской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии, однако тезисы пропагандистов не меняются, — напирал прокурор. — Все эти пункты под собой не имеют никакой достоверности и отношения к реальной действительности. Но самое главное то, что в своих разговорах Ведель просил эту несуразную ложь распространять дальше».

Привезенцев утверждал, что «источником лжи не в последнюю очередь были пропагандистские украинские ресурсы, на которые в телеграме Ведель был подписан», а также его знакомый — начальник киевского убойного отдела Чебан. Работа Веделя в главке московского МВД, подверкнул обвинитель, «придавала его лжи особый вес».

«Высказывал, что Российская Федерация — это страна-убийца, что россияне — это убийцы, что Россия совершила в марте 2014 года страшное преступление, геноцид, — все больше распалялся прокурор. — Именно такими словами он описывал бескровный, мирный, открытый на весь мир референдум, проведенный в Крыму и Севастополе».

Привезенцев напоминл, что один из разговоров с друзьями Клоков начал с лозунга «Слава Украине!», который «зародился еще у украинских националистов в начале прошлого века, а потом был перенят ОУН и УПА».

На этих словах прокурора в зале на секунду замигал свет, но он продолжил и добавил, что слова Клокова были «лживой пропагандой, не имеющей никакого отношения к правде».

Привезенцев говорил, что подсудимый «не хочет быть до конца искренним с судом».Он снова напомнил о разговоре Веделя с украинцем Чебаном. «Он сам говорит: да, я предлагаю вам свою помощь, я понимаю, что мне за это грозит. Десятка как минимум, — цитирую, — уж лучше, наверное, расстрел, чем с таким жить. Но, однако, столкнувшись с правоохранительными органами Российской Федерации и судебной системой, Ведель-Клоков свое мнение относительно этого очень сильно поменял», — назидательно произнес прокурор.

Потом он напомнил, что сторона защиты не раз ссылалась на ненасильственный характер преступления, в котором обвиняется Клоков. «Действительно, никто Веделя не обвиняет в том, что он совершал данное преступление с использованием оружия и предметов в качестве оружия», — начал обвинитель.

Продолжение оказалось неожиданным.

«Тут хочется привести один очень маленький пример из великого произведения Владимира Богомолова "Момент истины" ("В августе 44-го"), где основной линией всего произведения была мысль о том, что в войну в сражении можно выиграть армией в 500 тысяч человек, а проиграть это сражение можно, имея из себя в тылу одного дезертира или предателя с

рацией. Полагаю, именно такая у нас ситуация», — подытожил Привезенцев.

После этой эмоциональной речи он предложил учесть в качестве смягчающих обстоятельств наличие у Клокова на иждивении двоих малолетних детей, состояние здоровья самого подсудимого, его родителей, а также их пенсионный возраст.

С учетом всего этого прокурор попросил назначить Клокову итоговое наказание в виде 11 лет лишения свободы с последующим лишением права занимать должности в органах государственной власти и местного самоуправления сроком на 5 лет.

Защитник Берман

«Второй раз мы рассматриваем это уголовное дело. В первый раз уважаемый государственный обвинитель со ссылкой на то, что мой подзащитный является фашистствующим недобитком, 9 лет просил, теперь пошли дальше — просят 11 лет», — начал свое выступление в прениях адвокат Даниил Берман.

Несмотря на всю «страсть» гособвинителя, говорил защитник, «за всей этой туманностью, которую нагоняет и следователь, и впоследствии государственный обвинитель, сначала состава преступления не было в одном эпизоде, теперь этого состава преступления нет в двух эпизодах».

Берман отметил, что случай его подзащитного «стоит особняком» среди других дел по статье о военных «фейках» — Клоков не распространял информацию публично, и ее нельзя считать

«заведомо ложной», поскольку сам подсудимых в одном из разговоров признавался, что не знает, верить или нет новостям.

«Публичность образуется исключительно только в том случае, если говорящий говорит в две пары ушей одновременно», — рассуждал адвокат. Он еще раз сказал, что «нет никаких признаков», указывющих на разговор Клокова с Волобуевой.

По мнению защитника, следователь «до самого конца» готовился ограничиться обвинением в *приготовлении* к преступлению, «подготовил для этого все документы», но потом «ему сказали предъявлять, в том числе, оконченный состав» — хотя эти обвинения «по сути исключают друг друга».

Отдельно остановился адвокат на понятии «неосведомленные соучастники»: «Если я хочу организовать распространение ложной информации и подыскиваю соучастников, это означает, что я должен их поставить в курс моей преступной деятельности».

Кроме того, Берман удивился той роли, которую следствие отвело Дмитрию Чебану: «В отношении вот этого Чебана почему уголовное дело-то не возбудили, если он подстрекал моего подзащитного к распространению информации, о чем следователь пишет в обвинительном заключении на нескольких страницах? У нас такая практика есть».

Адвокат призвал суд помнить, что сознание Клокова в начале войны «было возбуждено небанальными, незаурядными событиями в стране и мире», а

разговоры, за которые его судят — это «обычный разговор человека, который немного потерялся в сложных обстоятельствах».

В завершение Берман сказал, что правильнее было бы вернуть дело прокурору, но если суд захочет дать оценку работе следствия — Клокова нужно оправдать.

Что говорил в суде сам Клоков

Клокова в суде допросили 6 ноября. Он сказал, что в его разговорах с приятелями не было ничего необычного. «Тогда, в принципе, это много кого волновало, потому что тогда это были поражающие вещи, когда это все произошло. Все были удивлены, испуганы, тревогу это вызывало, потому что у меня там имущество пострадало. Пострадали люди, недвижимость», — вспоминал Клоков атмосферу первых недель войны.

Он был в «жестком стрессовом состоянии» еще и потому что не знал, жив ли отец, который находился в Украине.

«Я никого не просил это распространять — это и так все распространяли. Четыре года и до сих пор каждый день по телевизору рассказывают, каждый день», — говорил Клоков.

Он настаивал, что жена Куришко не слышала их разговор, а с вышестоящим Дьячковым он даже не пытался обсуждать «эти темы» — в полиции такое «не принято».

Клоков при этом признал, что действительно раздумывал об онлайн-конференции между силовиками России и Украины: «Почему они не организовывают общение? Люди страдают, почему не фиксируются эти преступления, почему не доводится эта информация? Я, естественно, не мог это сделать, физически не способен, я не хотел этого делать, потому что это не моя задача, не моя работа».

— Какая у вас работа, неизвестно. Скажите, пожалуйста, раз уж мы зашли к разговору про вашу работу, — не растерялся прокурор Привезенцев. — «Я предложил свою помощь властям Украины. Любые... с согласия. Я прикроюсь статьей на 10 лет»... Говорили такое?

— Это какая-то искаженная фраза, нет.

— Ну вы же сказали, что у вас другая работа. Я поэтому и спрашиваю, какая она у вас.

Так же, как следствие, прокурора заинтересовало общение Веделя с «начальником убойного отдела города Киева» Дмитрием Михайловичем Чебаном, контакт которого нашли у него в телефоне.

На допросах сам Клоков и его отец объясняли, что примерно за неделю до начала войны, когда Клоков-старший был в Украине, Чебан по телефону вызвал его на допрос в Киев. Украинского полицейского интересовал Степанов — по словам Валентина Клокова, Чебан сказал, что на территории Украины расследуются похожие по почерку убийства. После этого разговора Клоков-старший дал сыну

контакт Чебана: «Если что-то со мной случится, можешь ему позвонить, он поможет меня найти».

Следователю Клоков говорил, что набрал Чебану, потому что переживал за «друзей-инвалидов» в Буче, связь с которыми была потеряна. В суде он подтвердил, что позвонил украинскому силовику, потому что «где-то с 5 марта» пропала связь с отцом.

Так или иначе, согласно показаниям Клокова на следствии, его разговоры с Чебаном были «эмоциональными» — украинец, например, говорил «что они всех нас поубивают, что мы не забираем трупы своих солдат» и что ВСУ «возьмут г. Сочи». Реплики Клокова в одном из этих разговоров записались на его телефон; прокурор в суде попросил рассказать подробности.

— Ну, я его спросил: «Это правда, что показывают эти видео, что у вас там происходит, или не может быть такого?». Тогда же это всех удивляло, шокировало. Это сейчас смотрим, там каждый город разрушен.

— Давайте, пожалуйста, вы дальше не продолжайте, — остановил его Привезенцев.

На первом допросе, когда Клоков еще признавал вину, он говорил, что Чебан «психологически на него воздействовал». В суде он сказал, что это неправда, а листы с его настоящими показаниями следовательница просто разорвала. Клоков отказался подписывать протокол, она ударила мужчину и «угрожала, что вообще всю семью закроем, детей отберем». Тогда Клоков написал внизу листка: «С моих слов записано неверно».

Свою подпись под этим протоколом Клоков в суде не признал и сказал, что написал жалобу на следовательницу, «как только появилась ручка», но получил только «ответ от прокуратуры, что проверка проводится».

Последнее слово Сергея Клокова

Ваша честь, мне так до конца и не понятно, что я сделал, в чем суть моего преступления. Они как будто сами создают преступление, там его нет. Чем больше расследуют, тем сами на себя и выходят.

У меня не было ни желания, ни умысла, чтобы это публично распространять, заведомой ложности не было. Я искренне верил в то, что говорил.

Я не знал и не мог знать, что кто-то третий присутствует в моих приватных частных разговорах по телефону.

Меня поражает та безжалостность, с которой меня так усердно пытаются обвинить.

И лишить свободы, разрушить всю мою жизнь, семью, принципы, морали, которыми я был так верен.

Я прошу, ваша честь, меня полностью оправдать.

В последний год состояние Клокова стало ухудшаться: его мучают сильные головные боли и обострившийся порок сердца. Врачи в СИЗО «относятся с пониманием и говорят не нагружаться», но признают, что не могут нормально обследовать арестанта — «нужно МРТ делать».

Его 70-летняя мать в апреле 2023 года кричала в суде: «Я постараюсь не умереть и дождаться тебя!». Спустя два года адвокат в суде рассказал, что на фоне тяжелых переживаний она перенесла операцию; в последний день процесса суд приобщил к делу свидетельство о ее инвалидности.

71-летний отец с I группой инвалидности «совсем плохой», а двое младших детей «понесли травму», говорил Клоков.

«Я за детей несу ответственность. Я их должен воспитывать, должен их в школу водить, одевать, обувать, кормить, обеспечивать. Когда меня еще не засадили, большую часть свободного времени своего я всегда занимался детьми. Все знают, что я с ними всегда гулял везде, водил везде, все на мне держалось», — объяснял он суду.

За годы под арестом Клокова не раз отправляли в ШИЗО или в карцер, в последний раз — в сентябре; поводом, как писал он в письме на волю, стало то, что «в большой камере на множество человек нашли запрет[7], но никто не стал разбираться, от кого этот запрет остался».

Пока дело рассматривали во второй раз, Сергея Клокова успели внести в перечень «экстремистов

и террористов» — в декабре 2024 года Госдума приравняла к ним осужденных за фейки.

Адрес для писем

127081, г. Москва, ул. Вилюйская, д. 4, ФКУ СИЗО-4 ГУФСИН России по Москве,
Ведель Семиэль Вальтерович (Клоков Сергей Валентинович) 1984 г.р.
Работают сервисы Ф-письмо и ZT

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Официально должность Веделя называлась «техник по химическому имуществу Запасного пункта управления МВД по Москве». Фактически он работал шофером — возил начальство на УАЗе «Патриот».
2. У Веделя двое несовершеннолетних детей — восьмилетняя Аня и шестилетний сын Максим. Упоминаний о старшем сыне Веделя в материалах дела нет, но в суде он мельком обмолвился, что в 2022 году сын служил в армии.
3. Новое обвинение в окончательной редакции Клокову предъявили 7 апреля 2025 года.
4. Часть 3 статьи 33, часть 1 статьи 30, пункты «б» и «д» части 2 статьи 207.3 УК.
5. Пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК.
6. Согласно материалам дела, у Клокова была 2-я форма допуска к государственной тайне.
7. Запрещенный предмет.